

Игорь Кудрявцев

 Десять

 но**В**елл

 и о**Д**на

бе**Г**лянка

Игорь Кудрявцев

Десять новелл и одна беглянка

«Издательские решения»

Кудрявцев И.

Десять новелл и одна беглянка / И. Кудрявцев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852746-3

Цикл рассказов костромского прозаика, лауреата премии имени В. П. Астафьева. «И. К. будто хочет создать совершенный, замкнутый в себе мир, одновременно движущийся и неподвижный, мир-воспоминание и мир-настоящее; создать и никогда более к нему не возвращаться, чтобы мир этот существовал уже сам по себе, не теребя по пустякам отца-основателя, как мудрый, печальный, одинокий ребенок». Антон Нечаев

ISBN 978-5-44-852746-3

© Кудрявцев И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог в бегах	6
Миллионы бактерий	9
Поклонник Терпсихоры	10
«Тысяча и одна ночь»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Десять новелл и одна беглянка

Игорь Кудрявцев

*А. Б., другу, учителю
и первому читателю,
с любовью посвящаю*

© Игорь Кудрявцев, 2017

ISBN 978-5-4485-2746-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог в бегах

В тридцать семь лет, на тринадцатом году совместной жизни и на третий день отпуска за свой счет Г. сбежал от жены. Сбежал, потому что не хватило толку уйти. Потому что боялся. Боялся, что его остановят и вернут (однажды остановили). Потому что сбежать – значит взять верх.

Его брат потом скажет: «Если бы не отпуск – ты бы никогда не ушел: тебе некогда было об этом подумать».

Ну, во-первых, Г. не ушел, а сбежал (есть разница). А во-вторых, для принятия решения необходимо не время, а мужество. Собраться с мужеством Г. действительно было некогда (если, конечно, корректно рассуждать о мужестве применительно к побегу). А подумать... он многие годы только и делал, что думал.

В первые дни после побега Г. не чувствовал ничего кроме страха: дикого, панического. Он спрятался (слава богу, было где), затаился (благо, не нужно было никуда, ибо у него был отпуск). Еда ему не требовалась, потому что есть он перестал. Единственное, что ему было нужно – кровать (правда, спать он тоже не мог). Кровать была. Г. лежал, почти не дыша, и ждал, когда пройдет страх. И страх прошел, вернее, сделался намного терпимей.

Но лучше Г. не стало. Ибо страх сменился беспокойством, которое согнало его с кровати и довольно долго носило по городу, казавшемуся Г. до странности красочным и ярким, как будто сияющим. «Вероятно, токсическое действие эмоций», – подумал Г.

На смену беспокойству явились апатия и вялость, а еще – сильное желание найти место, где бы он, наконец, смог начать жить.

А жить он хотел один. Совершенно. Это было его настоящей потребностью. И Г. удовлетворил ее: снял милую квартирку на окраине. Дешево, отдаленно, одиноко – самое то, чтобы никто не видел, как он отвратительно терпит боль. А было больно: он отходил от брака, как от долгой, мучительной болезни.

Его одиночество не исключало походов на работу: нужно же где-то брать деньги. Впрочем, работа его не была публичной. Если быть точным, у него был всего один коллега, да и тот молчун. Больше Г. никуда не ходил. Хотя нет, он встречался с дочерью.

У него была дочь.

За три месяца к нему в дверь звонили три раза: приходили брать плату за уборку подъезда. В четвертый, прежде чем открыть, Г. взял деньги.

«Я живу один и могу делать все, что хочу, – думал он. – Вместо этого делаю то, что люблю: сижу дома – и читаю книги».

Ему было почти хорошо. Почти...

Нестерпимая похоть стала властно захватывать его, одинокого горожанина. Ибо нет ничего эротичнее города. Бывали дни, когда Г. почти бегом возвращался домой, не в силах больше терпеть сумасшедшее сексуальное напряжение. Но дом перестал спасать его. Г., если честно, страдал.

Есть мужчины – их немало – которым чрезвычайно трудно решить свою «сексуальную проблему». Г., вероятно, был из их числа. У него было все непросто.

Во-первых, повторим, Г. хотел жить один.

Во-вторых, он считал себя дремучим женоненавистником; были, очевидно, причины.

В-третьих, если он и обладал женщиной, то, как правило, страстно ее любил. Остальных можно было пересчитать по пальцам (кстати, всех его женщин можно было пересчитать по пальцам). Страстная любовь не входила в его планы, да он и не надеялся, чего греха таить.

А было еще в-четвертых и в-пятых (но не все сразу)...

«Нужно как-то отвлекаться», – решил Г. – Искусства, безусловно, отвлекают».

Чтение не помогало: почти все хорошие книги (а он читал только хорошие) были о любви.

«Есть еще другие искусства: изобразительное, например», – вспомнил он. Рисовать, слава богу, очень не хотелось, лепить – тем более (а он умел, в принципе). «Можно же смотреть альбомы». Стал смотреть: пролистывать Каналетто и подолгу разглядывать женщин с красными лобками Климта, милых девушек Вермера, красоток не первой свежести Рембрандта...

Музыка помогала: культивировать тоску...

Театр отпадал. Там были женщины. К тому же, в театр нужно было идти. По городу полному женщин.

Кино, важнейшее из искусств. Его можно было смотреть дома. Но в хорошем кино (а Г. смотрел только хорошее) были героини – и они были так прелестны. Для Г. это было настоящим мучением. А героев, вне зависимости от того – старые они или молодые, уродливые или не очень, окружали стаи сексапильных красоток, всегда готовых вступить с ними в связь. В половую.

Г. за шесть месяцев только три раза говорил с женщиной. Одна была женой его клиента, у нее была экзема. Вторая была хозяйкой его квартиры, она годилась ему в матери. Третья собирала деньги за уборку подъезда, ей было лет сто.

Периодически Г. задавал себе вопрос: «Сколько я уже не был с женщиной?» Подумав, с тоской задавал еще один: «А сколько еще не буду?...» Порой его охватывал страх: «А вдруг у меня больше никогда не будет женщины?..»

А потом он начал болеть. Соматическими заболеваниями. Одна болезнь сменяла другую, им не было числа. «Вероятно, гормоны», – предположил А., его коллега. Врач спросил: «Женщина есть?» Г. подумал, что это его личное дело. «Без женщины нельзя», – сказал врач, вздохнув. «Чрезвычайно сложно найти женщину, – думал Г., – особенно, если ее не ищешь».

«Плохо выглядишь, – сказал В., его знакомый. – Думаю, тебе нужно сходить к б. Если хочешь, я могу пойти с тобой, за компанию». «Нет», – отказался Г. «Я домашнее животное, – подумал он, – на воле не размножаюсь». В. не унимался, он хотел помочь: «Можно просто позвонить – и они приедут. Не мучайся – позвони...»

Г. долго мучился. А потом позвонил. Чтоб не сойти с ума.

Приехала. Молода, неплохо сложена – вполне даже ничего. Но Г. был физиономист, а ее лицо о многом говорило, даже кричало. Во-первых, что она тупица, беспробудная и неизлечимая; во-вторых, что лжива и порочна, – да, у нее было лицо подлой, лживой твари (а чего он, собственно, ожидал увидеть?).

А затем она открыла рот. Через пару минут Г. страшно захотелось быть где-нибудь в другом месте или, чтоб она поскорее его покинула. Она и покинула. Весьма скоро. Назвав его дикарем и пещерным человеком.

В магазине Г. встретил одноклассницу. На следующий день она позвонила и напросилась в гости. Пришла в двенадцать ночи, принесла литр водки. За сорок минут выпила почти всю бутылку, накурила, разбила унитаз и обозвала Г. ничтожеством...

«Страшнее одиночества – плохая компания, и худший вариант – компания плохой женщины», – подумал Г.

Новый год, семейный праздник, он провел один. В кругу семьи.

«Одиночество похоже на трясину: засасывает, и ничего не можешь поделывать», – сказал он (по телефону) брату. «Ну что, ты на необитаемом острове», – ответил (по телефону) брат.

«Я почему-то всегда знал, что когда-нибудь буду жить один, – размышлял Г., – одного я не знал, что когда-нибудь мне придется жить одному».

Но постепенно он стал привыкать: к глухому и тоскливому одиночеству, к изматывающей неудовлетворенности, к страху. «Еще не счастлив, но уже не несчастен». Он даже нашел способ отвлечься, старый, как мир: Г. взял ручку, взял бумагу – и стал сочинять истории. В основном про себя, ибо про других он не так много и знал.

Вот эти истории...

Миллионы бактерий

Мой отец не любит фамилию «В*», терпеть не может.

А не хрен было так рано жениться! Впрочем, если б не женился, тогда б и меня не было. С другой стороны, женитьба к этому не имеет никакого отношения: ведь родился я через пять месяцев после свадьбы...

И когда отец уже был в армии.

Увидели мы его с мамкой ровно через два года; я, кстати, в первый раз. Представляю, как ей было тяжело одной. И вначале, когда я делал в пеленки – и потом, когда в горшок. Да и вообще ей было, я думаю, фигово; мамка была молода, мила и очень хотела целоваться – целоваться было не с кем, разве что со мной, – но это уже не то.

Когда я стал в горшок, мамка вышла на работу. В клуб. Ничего себе такая работка: все время на людях. А целоваться-то ведь хотелось ужасно. И тут – В*. Нет, ничего не было, я вас уверяю. Мамка и не думала изменять солдату. Просто чрезвычайно любила целоваться.

Донесли, конечно: мир не без добрых людей. Хотя, там и доносить-то было нечего, если честно. А не хрен было оставлять мою мамку одну, когда она так сильно хотела целоваться!

Я пошел в мать.

В юности друзья часто слышали от меня: «Скорее небо упадет на землю, и все реки повернут вспять, чем я женюсь». Но я женился (и небо почему-то не упало на землю, и только некоторые реки повернули вспять).

Женился я не то чтобы поздно, но позже, чем отец: сперва утолил сполна свою страсть к пылким лобзаниям, ну или, может, приглушил слегка, – женился по любви, разумеется. А до этого, конечно, бывал часто одинок – как все, вероятно. И целовался: часто, охотно и самозабвенно. Без интима и продолжения.

Одно время (когда я учился в институте) у нас вообще образовалось что-то типа клуба, «клуба одиноких губ». Два-три французских поцелуя в неделю – и одиночество уже не так тягостно (мама, я тебя понимаю). Здоровье опять же: эмоциональная сторона, кровообращение и, конечно же, миллионы полезных бактерий.

Бывали и недоразумения. Целовался я с Маринкой К*, просто так, для удовольствия. А у нее папа – профессор, с нашей кафедры. Вдруг замечаю: что-то стал он странно добр, оценки мне завышает. Приходим с другом как-то к Маринке в гости (а друг Маринку клеил). Папа дома. Меня увидел – обрадовался, стал по комнатам водить, усадил за стол, говорит, мол, надо выпить и поговорить. Ушел за рюмками – вернулся в шоке: Марина с другом на кухне целуются...

Целовался со стоматологом: она удаляла мне зубной камень, источник зловонья, средоточие мерзких бактерий; одна говорит: «Целоваться с тобой приятно, но дыхание у тебя – не очень свежее», – а сама курит как Джеймс Бонд.

А другая: «Ты совершенно не умеешь целоваться. Я знаю, меня, мол, учила искусству поцелуя лесбиянка». Стала учить.

А затем была натуралка. Красивая. Говорит: «Ты как-то странно целуешься». Стала переучивать. «Надо, – говорит, – технику осваивать». Осваиваю, а сам все свою первую вспоминаю, Т*: ее мягкие губы и юное дыхание, миллионы ее вкусных бактерий. Она была мила, и только – я был привлекателен в еще меньшей степени: прыщи, пальто с капюшоном, – я даже не был в нее влюблен. Но как мы целовались... аж шапки падали.

Поклонник Терпсихоры

Сидим. Пьем. Компания нормальная: каждый второй – писатель, каждый третий – читатель.

Вдруг... появляется она, худенькая богиня. С ней спутник. Тоже худенький, но смертный.

Почему я решил, что она – богиня? Ну, во-первых, она не вошла, как ее спутник, а, натурально, явилась. А во-вторых, она была божественна. Спутник был красив, даже чересчур для мужика, а она – божественна.

В волнении спрашиваю у Б*:

– Б*, кто это?

– Это сын А*.

– Да нет, – говорю, – с ним кто? Кто это? Почему она с ним?

– Это его жена... – отвечает Б*.

– Б*, не говори ерунду, – перебиваю я его, – она не может быть женой сына А*!

Богини не могут быть женами сыновей А*!

– И, тем не менее, это так, – говорит Б*. – Они вместе учились в балетном училище. Красивая пара, не правда ли?

Я промолчал.

Тем временем все разбились на красивые пары. Чтобы танцевать.

Пил с артистами: пьют шумно. Напившись, орут, поют громко и сольно, танцуют буйно и в одиночку. С писателями не так: пьют тихо. Напившись, идут танцевать парами.

Я один не снискал себе пары и не пошел танцевать. Я артистично наблюдал за танцующими. Я не танцую. Никогда. Крутые парни не танцуют? Да нет, крутой я вряд ли. Просто не люблю? Пожалуй, больше: я не хочу любить танцевать. Ощущаете разницу?

Это у меня давно. Я тогда под стол пешком ходил. Был у меня друг, Андрюха. Вот, играем мы как-то у него дома: машинки катаем. Приходит с работы его худенькая мама, устало садится на диван, смотрит на нас. Потом, только на меня. Долго – на меня. Встает, отнимает у меня машинку и говорит: «А ну-ка, дружок, встань так... сделай эдак». Встал, сделал. Хватает меня за руку и тащит к моей маме. «Ваш сын, – говорит, – непременно должен танцевать... у него данные». У меня данные. Естественно, обе мамы вцепились в мои данные, с целью их эксплуатации: моя – неуверенно, худенькая – мертвой хваткой. На следующий день я уже был в балетной школе. Андрюхина мама встретила нас в зале. Там я впервые увидел маленьких худеньких богинь. Они мне понравились. Не понравились мне только мальчики в трусиках и маечках. У них был такой жалкий вид. Нет, я решительно не желал быть одним из них, я не хотел быть жалким мальчиком в трусиках и маечке. А тут еще худенькая мама: «Ну что, дружок, любишь ты танцевать? У нас – непременно полюбишь». Я посмотрел в глаза своей маме и в отчаянии воскликнул: «Мама, я не хочу любить танцевать!»

Спасибо, мама!

Итак, все пошли танцевать. Пошел даже Б*. Ну, с ним все ясно: он поэт. Пошла богиня, и спутник с ней пошел. Это был танец. Танцевали все, но танец был только у них. И все расступились, чтобы не мешать танцу. А потом все стали, потому что захотели видеть танец. И они закружились, пользуясь освободившимся пространством. Он, конечно, ведет, как и подобает партнеру. Но, лучше бы не вел, лучше б отпустил.

А я смотрю, во все глаза смотрю. Потому что это красиво. А затем... встаю и разбиваю эту красивую пару. Чтобы танцевать. С худенькой богиней. И она пошла со мной... и сказала, что я хорошо танцую. Я хорошо танцую. А я ничего не сказал, я не проронил ни слова. Я не дышал.

Хотел ли я ее? Как можно хотеть богиню?! Я вообще, если честно, сомневаюсь, есть ли у богинь все то, ради чего, собственно, хотят. Так что, моя жена могла быть спокойна.

И я вернул богиню ее спутнику, поклонился и пошел к жене, потому что мне больше нечего было там делать. Я шел и думал: «Теперь я знаю об этой жизни почти все: я видел море, я целовал в попку своего ребенка, и я танцевал с богиней...» Хотя я вообще-то и не танцую. Никогда.

«Тысяча и одна ночь»

Моя дочь во втором классе написала порнорассказ. Ну, не порно – эротический. Хотя нет – пожалуй, порно. Обнаружили случайно, училка нашла. Хотела, дура, скандал устроить. «Я вам, – говорю (по телефону), – устрою! Предоставьте дело мне – у меня большой педагогический опыт». И жене говорю: «Предоставь все мне... у меня, поверь, большой опыт».

Но я-то начал гораздо раньше: даже писать еще не умел (только читать), – я это делал устно.

Конечно же, все началось с книг. Когда ты читаешь с пяти лет (существует легенда: с трех, – что, признаться, маловероятно), в шесть возникает естественное желание попробовать сочинять самому, – я и попробовал. Публика – средняя группа детсада № (?) – была в восторге, меня обожали, вернее, не меня, а мои сочинения.

Повторю: все началось с книг, – которые я читал вслух, сидя на стульчике посреди жующего козявки и сосущего подолы платиц круга (ленивые воспитательницы регулярно подобным образом эксплуатировали мой юный дар, пропадая тем временем невесть где; думаю, пили чай или трепались, собравшись вместе), – а в большей степени – с книг, которые я читал в уединении: других книг.

Так вот, вслед за уходом воспиталки меня останавливали (кому охота в шесть лет слушать про зайчиков и курочек), всегда одной и той же фразой «расскажи лучше свое». И я с удовольствием рассказывал свою «Козетту», своего «Бульбу», своего «Чингизхана» (двух последних – недочитанных, но, разумеется, досочиненных). Кажется, я чересчур увлекался: «Козетта» у меня получалась сентиментальнее и, я бы даже сказал, легкомысленнее что ли; про «Бульбу» я уж вообще молчу. Но хитом, безусловно, были «Приключения Бабы-яги», сочинение, целиком и полностью принадлежащее мне (конечно же попури, винегрет из всего мною прочитанного), весьма и весьма фривольного, надо заметить, содержания. Этому сочинению неизменно сопутствовал шумный успех – фурор, другими словами.

А я купался в лучах славы. Недолго, впрочем: в один прекрасный (ужасный) день мне высыпали (всем талантливым сочинителям рано или поздно высыпает).

Подвела поклонница (нас одевали рядом), – говорит своей маме: «Он (я) нам так интересно рассказывал про то, что...».

Так быстро меня мама никогда не одевала.

Что, я был испорченным ребенком? Не думаю. Ничуть не более остальных детей – и уж точно, не больше окружавших меня взрослых, которых, кажется, я в детстве не особо жаловал. Подсознательно я ощущал, что почти все взрослые хуже меня: злей, лживей, порочней, несдержанней и т. д., – и может быть, хуже почти всех других детей. (Потом, через много лет, я узнаю, что на самом деле все так и есть: большинство взрослых действительно хуже большинства детей.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.